

Международные отношения в Европе в XVII веке

Тихомиров Андрей

Андрей Тихомиров
Международные отношения
в Европе в XVII веке

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69814522

SelfPub; 2023

Аннотация

Это время французской гегемонии в Европе. Тридцатилетняя война (1618—1648 гг.) и Вестфальский мир. Конфликт стал последней крупной религиозной войной в Европе.

Содержание

Гегемония Франции	4
Тридцатилетняя война	13
Вестфальский мир	16
Литература по теме	22

Андрей Тихомиров

Международные отношения в Европе в XVII веке

Гегемония Франции

Если в XVI веке первую роль в международных отношениях Европы играла Испания, то в XVII веке можно говорить о настоящей гегемонии Франции. Из полосы великих гражданских смут второй половины XVI века Франция вышла сильной и сложившейся абсолютной монархией. Многочисленное и трудолюбивое крестьянство Франции и богатая буржуазия давали казне в виде налогов огромные средства. Эти средства позволяли французскому королю и его дворянству вести энергичную внешнюю политику и поставили Францию на первое место в Европе. Опыт долгих и разорительных войн XVI века, которые закончились гражданской войной во Франции, не прошел даром. Всякое стремление нового государства к расширению встречало сопротивление со стороны других таких же государств; всякое притязание на захваты, а тем более на мировое (в масштабах XVI века)

господство вызывало враждебные коалиции. Политики и дипломаты XVII века, обобщая этот опыт, формулировали ряд положений, носивших характер международных принципов. Правда, эти принципы весьма часто нарушались. Тем не менее именно эти систематические нарушения, при крайней неустойчивости тогдашних международных отношений, вызывали потребность в некоей норме. Такой «нормативный» характер имели, в частности, идеи «естественных границ» и «политического равновесия».

Политики – современники Генриха IV и в первую очередь его главный помощник Сюлли – постоянно подчеркивали, что захватывать можно лишь то, что можно сохранить. Мощество государства имеет свои границы: перейдя их, оно вызывает против себя объединенные силы врагов и завистников. Сюлли в своих знаменитых мемуарах «Принципы государственного хозяйства» писал: «Каждый король Франции скорее должен думать о том, чтобы приобрести друзей и союзников, крепко связанных с ним общностью интересов, – а это самая надежная связь, – чем навлекать на себя неутолимую ненависть и вражду проектами, превосходящими его собственные силы». «Ты стремишься, – говорит замечательный французский дипломат Этьен Паскье в своем диалоге между философом и государем, – дать хорошие границы твоему государству; надо, чтобы ты сначала установил должные границы своим надеждам и вожделениям».

Где же искать эти границы? Сюлли хорошо знает, что Карл

Великий восстановил империю, и что при Капетингах Франция была заключена в «узкие государственные границы, в каких она и по сей час находится». Он констатирует, что у Франции на юге есть естественная граница – это Пиренеи. Он прекрасно понимает, что возратить Франции ее былую славу – значит вернуть «соседние территории, некогда ей принадлежащие», т. е. Савойю, Франш-Контэ, Лотарингию, Геннегау, Артуа, Нидерланды. «Но можно ли притязать на все это, не вызвав ненависти врагов и разорительных войн? А у самих французских королей такое честолюбие, которое для Франции страшнее всей ненависти иностранцев». Франция сыта: она достаточно сильна, чтобы никого не бояться и быть страшной для всех. Однако и Сюлли мечтал о гегемонии Франции над цивилизованным миром, над всеми христианскими народами. Отсюда ведет свое происхождение один странный проект международного соглашения, который Сюлли приписывал своему королю, но сочинил, вероятно, сам. «Великий замысел» короля Генриха IV состоял, по словам Сюлли, в том, чтобы низвести Габсбургов до уровня государей одного Пиренейского полуострова, прогнать турок и татар в Азию, восстановить Византийскую империю и произвести затем перекройку всей политической карты Европы. Европа будет разделена на шесть наследственных монархий, пять избирательных монархий и пять республик. Во главе всех этих государств будет поставлен особый совет, который будет охранять общий мир и разбирать споры меж-

ду государствами, между государями и их подданными. Президентом этой своеобразной республики христианских государств будет папа; первым министром его будет Франция. Тайная мысль Сюлли, скрывавшаяся за всем этим проектом «Лиги наций» XVII века, была ясна. Ослабить врагов Франции, усилить ее вассалов, окружить ее поясом нейтральных государств, которые юридически были бы под ее покровительством, а фактически под ее командой, – вот в чем заключался этот фантастический «великий замысел» первого слуги короля Генриха IV.

План Сюлли известен только из его мемуаров. Действительность была далека от подобного рода проектов. Это показал и сам король Генрих IV своей практической политикой и еще больше – его блестящий преемник, крупнейший из дворянских политиков абсолютистской Франции – кардинал Ришелье.

Не упуская из виду нормы естественных границ для своей страны, Генрих IV действовал во внешней политике согласно другому принципу, который получил в это время широкую практику. То был принцип «политического равновесия». Если новое государство было национальным, т. е. строилось на основе хозяйственного единства территории и связанного с ним единства языка и культуры, то в своих отношениях к другим государствам оно стремилось обеспечить это целое от их посягательств. Практически во внешней политике это приводило к стремлению сохранить исторически сложивше-

еся соотношение сил между европейскими государствами, создать противовес всякой быстро увеличивающейся державе, – при захватах же, осуществленных сильнейшей державой, компенсировать слабейшие в целях восстановления все того же «равновесия». Конечно, все такие «принципы» были действительны лишь до тех пор, пока было невозможно или опасно нарушать их силой.

Генрих IV и руководствовался «принципами», пока было опасно иным способом округлять и расширять границы Франции. Практически он стремился к двум целям: ослабить могущество династии Габсбургов и поддержать выгодно для Франции складывавшееся равновесие между европейскими державами. В этих видах он продолжал сохранять дружественные отношения с Англией, которая помогла ему, как протестанту и врагу Испании, завладеть французским престолом. Однако в то же время Генрих тайно противодействовал планам английских моряков и торговцев и проискал английских дипломатов в Италии и на Востоке, где, как известно, Франция прочно укрепилась со времени Франциска I. Вследствие этого послы Генриха IV в Лондоне – Тюмери, Гарле де Бомон и Ла Бор-дери – стояли всегда перед трудной задачей сочетать дружбу с Англией с противодействием стремлению этой же державы занять первенствующее положение. Все в тех же целях ослабления Габсбургов Генрих IV способствовал заключению мира между Испанией и Голландией. Таким образом, французский король содействовал

признанию Испанией независимости отпавших от нее 7 северных провинций Нидерландов. На Востоке, в Турции, Генрих восстанавливал пошатнувшееся за время религиозных войн французское влияние при помощи успешной дипломатической деятельности своих послов Савари де Брева и Жана де Гонто-Бирона. Льготы, полученные Франциском I в 1535 г., были полностью восстановлены в 1604 г.⁵ Все нации, желавшие торговать с Турцией, должны были посылать туда свои суда под французским флагом. Исключение составляли англичане, которые сумели добиться от султана в конце XVI века (1599 г.) права входить в его порты под собственным флагом. Дружба Генриха с султаном была средством для того, чтобы пугать императора (Габсбурга) нашествием турецких армий, а испанского короля (тоже Габсбурга) нападением турецкого флота. И то и другое было залогом безопасности Франции. Одновременно, однако, Генрих не мешал своим друзьям и благочестивым, но наивным поклонникам распространять слухи о своих намерениях завоевать Восток, изгнать султана из Европы и объявить против него крестовый поход. В отношении германских князей Генрих также держался реальной политики, завещанной ему XVI веком. Его уполномоченный Бонгар уверял немецких протестантских князей, что переход Генриха из протестантизма в католицизм не должен их смущать: дружественное отношение короля к немецким князьям остается неизменным, как и его желание быть по-прежнему защитником «исконной немец-

кой свободы». Раз были сильны князья, был слаб император, вечный враг Франции Габсбург. Генриху IV удалось в конце концов создать коалицию против Габсбургов и приступить к организации борьбы с ними. Однако кинжал Равальяка прервал его жизнь (1610 г.).

После нескольких лет смут, связанных с малолетством Людовика XIII, власть в свои крепкие руки взял кардинал Ришелье, первый министр и фактический правитель Франции. Ришелье был типичным представителем интересов среднего и мелкого дворянства того времени, когда дворянская монархия шла еще по восходящей линии. В области внешней политики и дипломатии он был продолжателем «реалистической» политики Генриха IV. Поиски «естественных границ» Франции, отражавшие все возраставшую мощь французской монархии, и сохранение «политического равновесия» ради ослабления Габсбургов, – таковы были основы его дипломатии. Думал или не думал Генрих IV о Рейне, как восточной границе Франции, – сказать трудно. Некоторые из его современников приписывали королю подобные намерения. Но у Ришелье мысль о Рейне выражена была совершенно ясно. В 1633 г., следовательно, уже после разгрома отечественных протестантов гугенотов (взятие Ла-Рошели в 1628 г.), кардинал писал королю Людовику XIII, что если король станет против австрийского дома на сторону протестантских князей Германии, то они отдадут ему всю территорию до Рейна. Путь к Рейну лежит через Лотарингию.

Если она будет присоединена, можно незаметно распространить владения Франции до Рейна и даже принять участие в дележе Фландрии, в случае ее восстания против Испании.

Ришелье понимал, что надо действовать не только оружием, но и пропагандой. Время Ришелье во Франции ознаменовалось появлением первой газеты, которую Ришелье сразу же поставил на службу своим планам. Ришелье старался и юридически обосновать свои притязания. Вскоре появился памфлет под заглавием «Каково наиболее верное средство для того, чтобы присоединить к Франции герцогство Лотарингское и Бар». «Император не имеет никаких прав на территорию, лежащую по левую сторону Рейна, – заявлялось в памфлете, – так как эта река в течение 500 лет служила границей Франции. Права императора покоятся на узурпации». Одним из казенных перьев, которое служило, впрочем, кардиналу Ришелье не только за страх, но и за совесть, был публицист Шантеро-Лефевр. Он доказывал, что древние франки завоевали Галлию, т. е. огромное пространство, расположенное между океаном и Средиземным морем и ограниченное рекой Рейн, Пиренейскими горами и Альпами. Это пространство издавна известно под названием Галлии белгов, кельтов и аквитан. Шантеро-Лефевр включал, таким образом, в состав Франции Эльзас и Лотарингию, Савойю, Ниццу, – словом, все то, чем Франция завладела впоследствии, в пору своего могущества и военных успехов. Шантеро-Лефевр уверял, что мир Европы будет обеспечен, если Фран-

ция получит все эти земли. В противном случае Европа будет по-прежнему под ударами того, кто, захватив территории и государства франко-галльской короны, пытается похитить остальные, стремится поработить христианских государств и создать пятую монархию с намерением поглотить весь Запад. Шантеро намекал, следовательно, на политику Габсбургов. О том, чем оказались эти теоретические размышления французских публицистов, говорят статьи Вестфальского договора 1648 г., окончательно расчленившие Германию.

К концу XVI века напор турок на владения Габсбургов ослабел: Габсбурги снова обратили свои взоры на Германию, рассчитывая восстановить там свое влияние и императорскую власть, ослабленную реформацией. Началась «католическая реакция», борьба с протестантизмом, который, усилил немецких князей и стал знаменем их сопротивления императору. Фердинанду II грезилась единая Германия под его безусловной и неограниченной властью.

Тридцатилетняя война

Тридцатилетняя война (1618—1648 гг.) началась с череды религиозных столкновений между протестантами и католиками в Священной Римской империи, и затем переросла в борьбу разных сил в Европе против доминирующей позиции дома Габсбургов.

Ришелье напрягал все свои силы, чтобы не допустить этой войны. Ему пришлось продолжать традиционную политику Франции, поддерживая протестантских князей против католика императора. И в то же время Ришелье громил собственных французских протестантов у Ла-Рошели (1628 г.). Он начал переговоры с датским королем, который, боясь усиления императора в Северной Германии и на побережье Северного и Балтийского морей, охотно принял субсидии от Англии и Голландии и начал войну с императором. После того как король был разбит, Ришелье, покончивший к этому времени с гугенотами, приложил все свое дипломатическое искусство, чтобы бросить против германского императора силы Швеции и ее смелого полководца – короля Густава-Адольфа.

Главным поверенным во всех мероприятиях Ришелье был замечательный дипломат XVII века монах-капуцин отец Жозеф (1577—1638 гг.). Средневековые грезы о новом крестовом походе причудливо переплетались в его голове с «реа-

листической» политикой его шефа-кардинала. Грезы оставались в области фантазии; мечтателю приходилось осуществлять лишь то, что оказывалось реальным. Отец Жозеф засылал в страны Леванта, Марокко и Абиссинию многочисленных миссионеров, которые одновременно были и дипломатическими агентами; он считал, что его мечта о крестовом походе может быть осуществлена только после того, как будет окончательно унижен император, и немецкие князья станут вассалами короля французского. Отец Жозеф деятельно работал в Германии, чтобы привлечь немецких курфюрстов на сторону Франции. Его заслугой было приобретение Францией баварской дружбы. С 1633 г. он руководил немецкой политикой Франции, был горячим сторонником прямого вмешательства Франции в Тридцатилетнюю войну и, таким образом, вместе со своим министром подготовил торжество французской политики в 40-х годах XVII столетия.

В 30-х годах в Германию были отправлены самые способные из французских дипломатов – Фанкан, Шарнасе и Марньевилль. Их задачей было заручиться поддержкой со стороны протестантских князей. В 1631 г. Ришелье заключил союз с шведским королем Густавом-Адольфом. Швеция и Франция обязались «восстановить свободу Германии», поднять князей против германского императора и ввести порядки, существовавшие там до 1618 г. Франция обязалась давать шведскому королю субсидию в 1 миллион ливров ежегодно; за это шведский король обещал держать в Германии

30 тысяч пехоты и 6 тысяч кавалерии, чтобы действовать против императора. Швеция выступила, таким образом, как прямая наемница Франции; ее заданием было поддерживать политическое распыление Германии и не дать императору усилиться. Если, однако, Швеция так легко дала себя подкупить, то это объясняется тем, что у нее были свои интересы в Балтике; они оказались бы под ударом, если бы император после победы над датским королем завладел побережьем Балтийского моря. Таким образом, вновь возникал вопрос о том, кому будет принадлежать господство над Балтийским морем. Швеция была в XVII веке самым сильным из скандинавских государств. Во время смуты Московское государство потеряло свои владения на побережье Финского залива, расширить которые стремился когда-то еще Иван Грозный. Шведы заняли и западное побережье Финского залива и Рижский залив: теперь они мечтали о том, чтобы захватить все побережье Балтийского моря и, поставив крепости в устьях больших рек, по которым польские и прусские помещики вывозили хлеб в Западную Европу, брать с них пошлины в свою пользу. Когда Густав-Адольф был убит (1632 г.), Франция непосредственно вмешалась в немецкие дела: во имя пресловутой немецкой «свободы» она систематически разоряла Западную Германию. Длительная война, которая опустошила Германию и окончательно похоронила всякие надежды на ее политическое объединение, закончилась только в 1648 г.

Вестфальский мир

В результате приверженцы крупнейших течений христианства на территории Священной Римской империи (католицизма, лютеранства и кальвинизма) обрели в ней равные права. Итогом Тридцатилетней войны стало резкое ослабление влияния религиозных факторов на жизнь государств Европы. Вестфальским миром история дипломатии начинает обычно историю европейских конгрессов. Он был заключен после длительных переговоров, которые начались еще в 1644 г. в городах Оснабрюке и Мюнстере в Вестфалии. В Оснабрюке заседали представители императора, немецких князей и Швеции, в Мюнстере – послы императора, Франции и других держав. Все усилия императорского посла и искусного дипломата Траутмансдорфа были направлены на то, чтобы, удовлетворив аппетиты Швеции, отколоть ее от Франции и создать более благоприятные для империи условия переговоров. Однако Швеция осталась крепко привязанной к французской колеснице, которой на этот раз управлял уже первый министр Франции Мазарини. Последний, подстрекая курфюрста Бранденбургского против непомерных притязаний Швеции на территорию южной Балтики, парировал шведские притязания; тем самым он заставил идти Швецию вместе с Францией. Единственное, что удалось Траутмансдорфу, – это защитить австрийские владения Габсбургов от

дальнейшего расчленения и, таким образом, сохранить государственную целостность будущей Австрии. Окончательные условия мира были подписаны в Мюнстере 24 октября 1648 г., куда незадолго до этого приехали уполномоченные из Оснабрюка.

Значение Вестфальского мира заключается в том, что он окончательно установил внутренний строй Германии и закрепил ее политическое распыление, фактически покончив с Империей.

С другой стороны, определив границы государств Европейского континента, Вестфальский трактат явился исходным документом для всех трактатов и договоров, вплоть до Французской буржуазной революции конца XVIII века.

Немецкие князья получили право вести самостоятельную внешнюю политику, заключать договоры с иностранными державами, объявлять войну и заключать мир, правда, с оговоркой, что их внешняя политика не будет направлена против Империи. Но фактически эта оговорка значения не имела. Швеция добилась того, что устья восточноевропейских рек, впадающих в Балтийское и Северное моря, по которым шли хлебные грузы из Восточной Европы в Голландию и Англию, оказались в ее руках. Франция получила Эльзас (кроме Страсбурга) и закрепила три ранее приобретенных ею епископства – Мец, Туль и Верден. Французское требование «естественных границ» стало, таким образом, воплощаться в жизнь. Мирный трактат признал также самостоятельность

Голландии и независимость Швейцарии от Империи. Гарантиями условий мирного договора были признаны Франция и Швеция.

Вестфальский мир был торжеством политики Ришелье, хотя самого кардинала уже не было в это время в живых (он умер в 1642 г.). Продолжателем политики Ришелье был кардинал Мазарини. Он стоял у власти в период оформления мирных условий в Оснабрюке и Мюнстере и позже заключил Пиренейский договор с Испанией (в 1659 г.). Этот мир, по которому Франция приобрела часть Люксембурга, Руссильон, Артуа и Геннегау, подготовил гегемонию Франции в Европе. Принципы «политического равновесия», выдвинутые во время переговоров в Мюнстере и Оснабрюке, обеспечили политическое преобладание Франции. Самый опасный из противников Франции – Империя – фактически перестал существовать. Торжествовала «исконная немецкая свобода» в Германии, «политическая свобода» в Италии. Другими словами, достигнуты были политическое распыление и беспомощность этих двух европейских стран, с которыми Франция могла отныне делать все, что ей угодно. Вполне понятно, что Мазарини мог теперь спокойно навязывать своим незадачливым соседям «естественные границы», ссылаясь на времена древних галлов, монархии Пипина и Карла Великого в доказательство прав Франции на немецкие и итальянские территории.

Эти права и попытался осуществить «король-солнце» –

Людовик XIV. В его царствование французский абсолютизм вступил в полосу своей наивысшей славы и наибольшего международного значения; при нем же во второй половине его царствования французский абсолютизм столь же быстро стал клониться к упадку. Международная обстановка в первую половину правления Людовика XIV (1661 – 1683 гг.) была чрезвычайно благоприятной для Франции. Вестфальский и Пиренейский мир свидетельствовали о полном унижении исконных врагов Франции – немецких и испанских Габсбургов. Реставрация Стюартов в Англии (с 1660 г.) и их реакционная политика ослабили международное значение этой страны, только что закончившей свою буржуазную революцию. Английский король Карл II, будучи в непрерывной ссоре с парламентом, искал опоры против своих подданных во вне и, можно сказать, был на жалованье у французского короля. У Франции в Европе уже не было соперников, с которыми нужно было бы считаться; французский двор был самым блестящим в Европе; французского короля боялись все европейские государи; французский язык сделался официальным языком дипломатии и международных трактатов. Людовик XIV мог спокойно заниматься историческими изысканиями на тему, что принадлежало древним франкам и древним галлам и что должно поэтому теперь принадлежать ему. В первую половину его царствования его первым министром или, как он назывался, генеральным контролером финансов был замечательный государственный дея-

тель Франции XVII века Кольбер. Хотя Людовик XIV и любил говорить про себя, что он сам свой первый министр, фактически дела государства находились в руках у Кольбера. Кольбер много сделал для насаждения во Франции мануфактур, всемерно оберегая интересы промышленности, торговли, и был одним из наиболее последовательных представителей политики меркантилизма. Огромные территории в Северной Америке в бассейне реки Миссисипи (Луизиана) были объявлены владениями французского короля, хотя начало французских владений в Америке было заложено еще в половине XVII века. От Кольбера сохранилась огромная деловая переписка: в ней имеются, между прочим, инструкции министра французским послам и представителям за границей. Эти документы свидетельствуют о том, насколько Кольбер занимал интересы французской торговли и французской буржуазии. Кольбер тут же с завистью сообщал королю, что соседи-голландцы имеют до 16 тысяч кораблей, тогда как у французов их не больше тысячи, и они принуждены пользоваться голландскими судами для сношений со своими американскими владениями. Собственно замыслы Кольбера были направлены на ослабление экономической мощи голландской буржуазной республики. Он не препятствовал завоевательным планам Людовика XIV, лишь бы планы этого «преемника Карла Великого» осуществлялись в интересах французской буржуазии. Поэтому «король-солнце» на первых порах и занялся доказательством того, что древние гал-

лы владели Бельгией. Однако ни Кольбер, ни тем более Людовик XIV недооценили способности Голландии к сопротивлению и искусства дипломатии этой республики. Боясь непосредственной близости такой сильной соседки, как Франция, Голландия сделалась в XVII веке душой всех коалиций, вызванных в обеспокоенной Европе французской агрессией. Борьба, начатая поползновением Франции захватить Бельгию, вылилась в серию «торговых войн». Эти войны между тремя самыми крупными и экономически сильными державами велись за морское и колониальное преобладание.

Литература по теме

История дипломатии, том 1, под редакцией В.П. Потемкина, Государственное социально-экономическое издательство, Москва, 1941

Тихомиров А.Е., Государство как институт политической и социальной системы. LAP LAMBERT Academic Publishing, 2020

Тихомиров А.Е., Политика и право в истории. LAP LAMBERT Academic Publishing, 2020

Тихомиров А.Е., Политико-экономические процессы. LAP LAMBERT Academic Publishing, 2020

Тихомиров А.Е., Политическая мысль. LAP LAMBERT Academic Publishing, 2020

Тихомиров А.Е., Размышляя об историческом процессе. Сборник общественно-политических статей. "Ridero", Екатеринбург, 2018